

**ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИСТИКИ**

Коломиец Наталья Викторовна доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70).
E-mail: konavi@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема соотношения фундаментальных тенденций современной цивилизации – локалистики и глобалистики. Игнорирование локальных закономерностей развития различных типов культур и акцентуализация на глобализации приводят к искажению объективного понимания современного состояния мира, который движется от однополярного западоцентристского образа к новому – многополярному.

Ключевые слова: культура, цивилизация, локализация, глобализация, однополярность, многополярность, типология культуры.

Необходимость раскрытия личностного аспекта общественного развития должна дополняться переходом к изложению различных точек зрения на общественно-исторический процесс и включением в работу альтернативных интерпретаций с использованием других гуманитарных дисциплин.

Еще с древнейших времен в этносе рождается дилемма: «мы» и «они», «свои» и «чужие», «цивилизованные» и «варвары» и т.п. Такое противопоставление своей культуры другим является отражением человеческой психики и многообразия и противоречивости действительности.

Локальный характер культуры поэтому является традиционной формой ее существования. Враждебное и настороженное отношение к внешней культурной среде, вызванное отсутствием космологического реального знания, порождает мир локальных культур. Инаковость свойственна изначально любой культуре и цивилизации. XVII век на западе становится эпохой великих географических открытий, формирования новой научной картины мира, перехода к новой технической цивилизации; мореплавание, торговля раздвигают границы познанного мира. Вновь обретенные знания о культурах различных народов приводят к поиску общего и особенного в культуре. Нравы и обычаи, образ жизни, верования, расовые отличия становятся материалом для противопоставления сторон света, стран, народов. Так появляются культурологические и этнические теории и концепции типологии культуры. Отвергая линейно-прогрессистские схемы истории, культурно-историческая монадология сталкивается с проблемой преемственности культур, трансляции традиции, объединяющей их. Изоляционистская тенденция Н. Данилевского и К. Леонтьева имеет своей кульминацией суждение О. Шпенглера, что человечество – «лишь пустой звук». В противовес ей А. Тойнби заявляет о наличии диалога между различными культурами, идущего в синхронной и диахронной плоскостях, о существовании «непросвещенческого» видения прогресса. Его идеям созвучна теория культурных суперсистем Сорокина, реабилитирующая понятия «культуронаследования» и прогресса в границах культурно-исторической монадологии. В политическом плане культурно-историческая монадология может иметь как консервативно-романтическое (Н. Данилевский, К. Леонтьев, О. Шпенглер), так и либеральное звучание (А. Тойнби, П. Сорокин) [1].

Общей парадигмой такого рода концепций является идея самобытности развития данной страны или народа, их абсолютной «непохожести» на других или несоизмеримости

и несопоставимости развития целых регионов (например, Востока и Запада) или самобытности на уровне культур и цивилизаций. В первой половине XX столетия в рамках этой тенденции наибольшую известность обрели теория «локальных культур» О. Шпенглера, изложенная им в книге «Закат Европы» (1918–1922), и концепция множественности цивилизаций А. Тойнби, положенная в основу его многотомного труда «Исследование истории» (1934–1961). Оба они не признавали существования единой истории человечества, разрывали ее на множество самостоятельных потоков, а в качестве исходных посылок истории принимали духовные ценности либо религиозные системы, деятельность интеллектуальной элиты и т.п. О. Шпенглер в своей работе «Untergang des Abendlandes» описывает совершенно уникальные условия генезиса, формирования, развития локальных культурных типов. Каждая локальная культура существует по собственным законам, принципам и ценностям. Она проходит возрастные стадии развития: детство, отрочество, юность, зрелость и старость, приходя в конечном счете к стадии цивилизации. Поэтому О. Шпенглер считает, что историко-культурный процесс есть процесс рождения и смерти локальных уникальных культурных образований. В свою очередь, А. Тойнби утверждает, что сущностная основа каждой локальной культуры создается творчески наполненным меньшинством. Данной культуре свойственны взлеты и падения, расцветы и упадки вплоть до полного уничтожения. Однако А. Тойнби считал, что возможная общая история человечества, интеграция локальных культур в общечеловеческую культуру в сфере духа, веры и религии.

Почему же все-таки общепринятая картина всемирной истории подвергается критике, почему начинают в философском и культурологическом дискурсе превалировать локально-цивилизационные концепции? В первую очередь это связано с тем, что О. Шпенглер разграничивает понятия «культура» и «цивилизация», проводя между ними четкую смысловую грань. Культура – это творчески потенциальная локальная составляющая, это эпоха развития, бурлящая энергией созидания, цивилизация же – это конец локального чуда культуры, старость, дряхлость и творческая немощь. Также сторонники культурной локалистики основываются на очевидной всем аксиоме о явном культурном, историческом, социальном различии между, например, Индией и Германией, Японией и Египтом. Понимание истории как истории уникальных локальных культурных образований, видение их культурных особенностей, признание за ними равноположенности и равнозначимости логически приводит к критике однолинейного развития истории. Кроме того, культурная локалистика критически переосмысливает европейское утверждение о европоцентризме и западоцентризме – нет единого центра истории, который диктует порядок и каноны культурного развития. Критика пренебрежительного отношения к восточным, африканским и австралийским культурам, значимости их роли в общечеловеческом культурном и социальном контексте является, безусловно, наиболее привлекательным в строго научном и обыденном планах. Однако в культурной локалистике абсолютизируются частные характеристики локальных культур, их оторванность друг от друга, слабо прослеживаются механизмы всеобщего взаимодействия, не выделяются и игнорируются общие начала всемирной истории. В принципе те же самые претензии можно предъявить и сторонникам линейного подхода к культурно-историческому процессу: в их концепциях абсолютизируется обратная сторона, всеобщие начала и законы развития, поступательная прогрессивная векторная схема формирования истории. Поэтому следует рассматривать культурную локалистику и глобалистику диалектически, как взаимосвязанные и неразрывные стороны историко-культурного и социального развития.

Единая история мировой культуры или история локальных культур? Данная проблема занимает одно из центральных положений современной истории культуры и культурологии вообще. Можно ли говорить о культуре общечеловеческой и о едином замысле культурного и исторического развития? Существует ли у локальных культур стремление к единению, к отходу от культурного своеобразия, синкретичности? Наиболее полно данные вопросы выражены в проблематике типологии культуры. В концепциях Н. Данилевского,

П. Сорокина, О. Шпенглера, А. Тойнби, Э. Мейера, Э. Трёлча представлена концепция, отрицающая линейное культурно-историческое развитие, предлагающее картину именно локальных уникальных культурных типов, многовекторное культурное развитие. Например, А. Тойнби утверждает, что «ложная концепция "единства истории" на базе западного общества имеет ... неверную посылку – представления о прямолинейности развития» [2, с. 85].

В противоположность названным мыслителям Г. Гегель, И. Гердер, К. Маркс, К. Ясперс утверждают универсальность развития истории и культуры. Общечеловеческая культура является стержнем цивилизации, все локальные типы культур подчинены одной прогрессивной линии свободы и совершенствования социального и материального бытия.

Элементы механизма формирования локальных культур можно выразить следующим образом: 1) Локальная культура независимо от ее существенных характеристик, этапа развития формируется при сочетании определенных элементов: социального, экономического, политического, религиозного, рационально-логического, эстетического; 2) Элементы, формирующие локальную культуру формируют социокультурную культурную систему, состояние которой и определяет ее жизнеспособность; 3) Каждый элемент локальной культуры имеет определенные характеристики: признаки текущего состояния элемента локальной культуры, благодаря которым возможна определенная интерпретация происходящих в культуре процессов; связи и коммуникационные характеристики культурных элементов, их взаимодействие; сценарии развития, включающие в себя творческое меньшинство и харизматические личности; 4) В соответствии с отведенной исторической необходимостью ролью основные элементы локальных культур можно типологизировать следующим образом: как положительные и отрицательные. К положительным элементам локальной культуры относятся: базовые или стратегические элементы системы локальной культуры, задачей которых является формирование потенциальных тенденций ее развития; основные или тактические элементы системы локальной культуры, занимающиеся созданием насущных целей и коридоров развития культуры; уточняющие или корректирующие элементы системы локальной культуры, имеющие своей целью изменения и коррекцию в процессе воплощения базовых и тактических элементов культуры; формальные элементы локальной культуры, формирующие ее внешние особенности, отличительные черты внешнего облика. К отрицательным элементам локальной культуры относятся деструктивные элементы, дестабилизирующие гармоничное прогрессивное состояние системы, ее взаимосвязанных элементов. Следует отметить, что без деструктивных элементов вся система локальной культуры неспособна к развитию и изменению. 5) Применение названной типологии элементов локальной культуры зависит от контекста, цели анализа, специфики текущего состояния (в аксиологическом контексте, в абстрактно-логическом контексте, в контексте приоритетных направлений развития и т.п.). 6) Механизм развития локальной культуры является системой иерархически взаимосвязанных культурных элементов (базовых, основных, корректирующих, формальных и деструктивных). 7) Специфика развития локальной культуры определяется устойчивостью механизма развития культуры, который, в свою очередь, формируется из ее иерархических элементов (положительных и отрицательных).

При формировании пирамиды элементов локальной культуры формулируются определенные принципы, среди которых: диалектическая триада «тезис-антитезис-синтез», т.е. каждый элемент системы в процессе развития меняет свой статус с положительного на отрицательный, синтезируется с противоположным, создавая качественно новый элемент локальной культуры; принцип развития, предполагающий постоянное изменение элементов, причем данное изменение может означать не только прогресс, но и регресс; принцип базиса и надстройки, отвечающий за прочное основание стратегических элементов системы, периода их структуризации, оформления, становления; принцип системности, отвечающий за взаимоотношения элементов горизонтальных и вертикальных линий пирамиды. Таким образом, реальная система локальной культуры характеризуется нестабильностью, саморазви-

тием, множеством разнородных элементов. Превалирование конкретной группы элементов в системе могут вызвать в локальной культуре положительные или отрицательные формы развития. 8) Механизмы развертывания локальной культуры очень сложны. Они основываются на текущей системе этических ориентиров: что допустимо, что нет, что свое, что чужое и т.п. В механизмах каждой культуры образуется идеальное, которое выступает образцом развития системы. Чем больше диссонанс реальной динамики культуры с идеалом, тем быстрее она разрушается. Поэтому механизмы развития локальной культуры формируются посредством основных культурных элементов, а также этических ориентиров и идеальных образцов развития культуры. В свою очередь, можно утверждать, что процесс формирования глобальной культуры включает в себя все многообразие локальных культур, имея при этом свой собственный механизм их интеграции. Использование компаративного подхода к пониманию культуры привело к формированию культурологии как науки. Исследование и сравнение различных типов культур создает базу для выделения общих черт и свойств, которые становятся всеобщими культурными характеристиками.

Концепция единства культуры и истории впервые была выписана в XIX веке Л. Морганом и Г. Спенсером, дальнейшее развитие она получила уже в XX веке в философии культуры, исторической культурологии и культурной и философской антропологии. Благодаря применению компаративного подхода к изучению культурных типов, их многообразия выделяются следующие основные общекультурные показатели: общественное устройство, гендерный анализ, быт, обычаи, традиции, мифологические и религиозные воззрения, погребальные обряды и культы, архитектура и другие виды искусства, правовые нормы и т.п.

В концепциях сторонников картины единой истории и культуры К. Уисслера, М. Харриса, Дж. Мёрдока, Аберле, Б. Малиновского и др. базовые характеристики культурных типов существенно различались, однако общая тенденция о единстве культурного развития оставалась неизменной. В целях классификации этнических коллекций Кларк Уисслер в своих работах «Американский индеец» (*American Indian*, 1917), «Человек и культура» (*Man and Culture*, 1923), «Индейцы Соединенных Штатов» (*Indians of United States*, 1940) разрабатывает понятие культурного ареала.

В работе «Культурная антропология» Марвин Харрис [3] исследует физиологическую сущность человека и из нее выводит четыре универсальных уровня локального культурного типа: 1) инфраструктура производства и воспроизводства (человека); 2) структура бытовой и политической экономики; 3) суперструктура социальных отношений; 4) ментальная (интеллектуальная) или этическая суперструктура. Каждый из этих уровней является базовой причиной для последующего культурного уровня. Кроме того, М. Харрис считает, что культура развивается в рамках культурных и экологических условий. Эти составляющие рассматривались авторами как функциональные условия, необходимые для выживания системы. Универсальная структура социокультурных систем, сформированная М. Харрисом в рамках исследовательской стратегии, названной им культурным материализмом, также базируется на биологических и психологических константах человеческой природы. Модель Харриса представляет собой сложносоставную, разветвленную, включающую в себя инфраструктуру, структуру, суперструктуру, систему, в которой автор пытался охватить и сферу материального производства, и сферу воспроизводства населения, взаимодействие с окружающей средой, поведенческие компоненты и т.д. Схема Харриса наиболее полно отражает культурное содержание современного сложного общества [4].

Культурная локализация проявляет себя в таком феномене, как культурный шок. Под культурным шоком можно понимать первоначальную реакцию индивидуального или группового сознания на столкновения индивида или группы с инокультурной локальной реальностью. Ситуация культурного шока является явно конфликтной ситуацией между привычными для человека ценностями, нормами, языком, повседневными практиками, характер-

ными для той среды, которую он покинул, и теми ценностями, нормами, языком, повседневными практиками, что характерны для новой среды, в которой он оказался [5].

Дж. Мёрдок создает собственную концепцию «универсальной культурной модели», «эволюции систем родства». Он считает, что при анализе культурных типов следует выделять стадии развития культуры, географические, экономические, социальные характеристики, этнические потенции, ментальные характеристики типов личности и т.д. Всеобщую культурную основу Дж. Мёрдок видит в психофизической природе человека. Схожие культурные черты различных культурных типов не говорят об их одинаковом содержании, а то, что они относятся к одному классу в системе культурной классификации. В работе «Социальная структура» Дж. Мёрдок формулирует концепцию «эволюции систем родства», суть которой состоит в формах зависимости культурного развития от географических и природных факторов. Для формализации анализа всех культурных элементов Дж. Мёрдок создает ареальную картотеку человеческих отношений (Human Relations Area File), которые представлены в «Этнографическом атласе». Дж. Мёрдок пытается найти некий общий «знаменатель» культур. Он выделяет пять культурных факторов или «культурных привычек», управляющих формированием данного культурного знаменателя. Первый фактор – это обучение, воспитание, передача опыта и традиций, мировоззренческих типов. Второй фактор – стимулы, мотивации, культурные сигналы, устойчивые реакции на них. К постоянным стимулам, которые вызывают устойчивые реакции, относятся природные стимулы (восход и заход солнца, день и ночь, движение небесных тел, окружающая природная среда, религиозные отправления и т.п.). Данные мотивации и стимулы и создают культурную уникальность каждого типа и ложатся в основу классификации всеобщих культурных характеристик. Третий фактор – это «базовая» культурная привычка (или навык), которая и формирует классификационные особенности локального культурного типа. Четвертый фактор – психологическое обобщение, которое выступает свойством неоднократного повторения и воспроизведения действий и качеств при наличии постоянных условий, стимулов, мотиваций и реакций. При наделении природных феноменов и объектов антропоморфными чертами человек экстраполирует свое «человеческое» общение на них (молитва, просьба, жалоба, лесть и т.п.). И Дж. Мёрдок делает вывод о том, что сходных свойств типов культур, исходящих из такого рода обобщений, бесчисленное множество. Пятый фактор – это ограниченное число возможных культурных реакций. Все культурные реакции, считает Мёрдок, ограничены психофизическими характеристиками человека и природными условиями.

Особо следует выделить в концепции Дж. Мёрдока модель локальной культуры. Именно локальная культура способна дать материал для выделения всеобщей культурной основы. Только исходя из жесткого культурного детерминирования человека возможно изучение сходства и различия культурных типов, создание итоговой модели локальных культур. Данная модель Дж. Мёрдока содержит 47 всеобщих культурных черт [6].

Таким образом, проблема единства человеческой культуры приводит к созданию сложных культурных моделей, которые призваны не только описывать различия и сходства культурных типов, но и исследовать тонкие связи между ними.

Среди таких моделей можно выделить концепцию универсальной социокультурной системы Д. Аберле, Б. Дэвиса и других [7]. Концепция универсальной социокультурной системы включает в себя основные направления развития: социализация; взаимодействие социума с окружающей природной средой; культурная коммуникация; гносеологические основания; дерево целей; девиантное поведение и контроль за ним; нормотворчество; эстетика.

Мы видим, что первые попытки анализа локальных культур исходят из единой психофизической природы человека и географических условий. В начале XX века в западной антропологии и философии появляется теория импульсов и инстинктов, которая утверждает, что именно импульсы формируют культуру и особенности ее реализации (Бернард «Инстинкт»).

Самнер и Келлер, углубляя данную концепцию, выстраивают классификацию основных стимулов, инстинктов и побуждений культуры: самосохранение, увековечение себя, самоудовлетворение, религиозные взгляды. В основании каждого класса лежали голод, любовь, тщеславие и страх. Б. Малиновский в работе «Научная теория культуры» создает теорию потребностей, которая и кладется им в основу концепции культуры. Он видит культуру как ответ на физиологические и материальные потребности человека. Вся культура состоит из инфраструктуры институтов, которые призваны удовлетворять основные потребности человека. Также Б. Малиновский формулирует принцип универсального функционализма, который гласит: «...в любом типе цивилизаций любой обычай, материальный объект, идея и верования выполняют некоторую жизненную функцию, решают некоторую задачу, представляют собой необходимую часть внутри действующего целого» [8]. Нарушение или изъятие любого культурного элемента из системы культурного равновесия приводит, считает Малиновский, к деградации и гибели всего этноса, всей культуры. Он резко критикует грубое вмешательство культур в равновесную систему некоей культуры: «Традиция, с биологической точки зрения, есть форма коллективной адаптации общности к ее среде. Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный, неизбежный процесс умирания». Также Б. Малиновский утверждает, что невозможно изучать элементы культуры в отрыве друг от друга, они составляют систему, которая и содержит их сущность.

Следующей проблемой локальных культурных типов является проблема культурного шока как результата грубого вмешательства культур в инокультуры. В состоянии культурного шока попадают все носители культурных особенностей своей культуры, когда они попадают в инокультурную среду (туристы, эмигранты, рабочие и т.д.). Сила культурного шока может быть различной, как и степень культурной адаптации. Они могут определяться: степенью различия основных культурных элементов; психологическими и поведенческими характеристиками личности; силой влияния культурной среды, ее составляющих, их укорененностью в ментальности, когнитивных структурах; желанием вступать в межкультурную коммуникацию; негативным или позитивным опытом прошлого межкультурного общения.

Культурный шок свойствен не только субъективному сознанию и групповому. Это возможно при массовой миграции представителей одной культуры в другую, при культурной диффузии, в период кризиса культуры, модернизации традиционной культуры. Как происходит преодоление культурного шока? Можно выделить следующие тенденции: 1. Гетто, резервация – создание локальной модели собственной культуры. Это практически культурная изоляция представителей одной культуры в теле инокультурного бытия. 2. Ассимиляция, растворение в новой культуре, признание ее традиций, обычаев и мировоззренческих установок. Это приспособление к новой культурной среде, ее ценностям, погнание старых культурных установок. 3. Культурная коммуникация – поиск так называемой «золотой середины». Это может выражаться в сочетании различных культурных традиций, синтезе культурных установок, культурном обогащении. Такое маргинальное положение между двух культур в конечном счете может привести к разделению бытия носителей культур на две части: служение старой и новой культуре. 4. Навязывание своих культурных традиций и ценностей. Это свойственно западной культуре («европоцентризм» и «западоцентризм») в период колонизации восточных и африканских стран. Данная тенденция наиболее ярко проявляется в период военных завоеваний и модернизации традиционного общества. Безусловно, культурный шок играет важную роль в формировании научного интереса к культурному разнообразию, а также в создании философии культуры, культурной антропологии и культурологии. Исследования, связанные с последствиями культурного шока, привели в конечном счете к «антропологической революции». Антропологическая революция выразилась в развенчании уверенности западного культурного сознания в исключительности его места в культурно-исторической картине мира. Как Земля, по утверждению Коперника,

перестала быть центром Вселенной, так и Европа перестала занимать срединное культурное положение, возвышаясь над остальным миром. Таким образом, проблема культурной локализации есть традиционная проблема, которая занимает паритетное положение в отношении к глобалистике в типологии культуры. Игнорирование локальных социокультурных тенденций в современном цивилизационном многополярном контексте может привести к искажению понимания объективных процессов развития.

Литература

1. История и культурология. – М.: Логос, 1999. – 366 с.
2. Тойнби А. Постижение истории. – М.: Изд-во Директ-Медиа, 2007. – 1876 с.
3. Harris M. The Rise of Anthropological Theory. N.Y., 1968. – 806 p.
4. Harris M. Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture. N.Y., 1979.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1966. – 280 с.
6. Murdock G.P. The Common Denominator of Cultures // The Science of Man in the World Crisis. N.Y., 1967.
7. Aberle D.F. The functional Prerequisites of a Society // Ethics, N 60: 100-111. 1950.
8. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. – М.: Изд-во РГГУ, 1998. – 240 с.

Kolomiets Natalia Viktorovna, Doctor of Philosophy, professor of department of philosophy and methodology of science, South-Russia Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: konavi@yandex.ru

**SOCIOCULTURAL TRENDS LOCALIZATION AND CIVILIZATIONAL PROCESSES
AND GLOBALIZATION**

Abstract

The problem of the relation of the fundamental trends of modern civilization - localization and globalism. Ignoring local laws governing the development of different types of crops and accentuation on globalization leads to a distortion of the objective in understanding the present state of the world which is moving odes unipolar way to the new - multipolarity.

Keywords: culture, civilization, localization, globalization, unipolarity, multipolarity, the typology of culture.

References

1. Istorija i kul'turologija. – М.: Logos, 1999. – 366 s.
2. Tojnbi A. Postizhenie istorii. – М.: Izd-vo Direkt-Media, 2007. – 1876 s.
3. Harris M. The Rise of Anthropological Theory. N.Y., 1968. – 806 p.
4. Harris M. Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture. N.Y., 1979.
5. Ionin L.G. Sociologija kul'tury. М., 1966. – 280 s.
6. Murdock G.P. The Common Denominator of Cultures // The Science of Man in the World Crisis. N.Y., 1967.
7. Aberle D.F. The functional Prerequisites of a Society // Ethics, N 60: 100-111. 1950.
8. Belik A.A. Kul'turologija. Antropologicheskie teorii kul'tur. – М.: Izd-vo RGGU, 1998. – 240 с.